

ХОЛМСКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ.



Выходитъ два раза въ мѣсяць, съ безплатнымъ прибавленіемъ: «Холмскій Народный Листокъ». Цѣна годовому изданію съ пересылкой 5 р. Отдѣльные номера по 20 коп., съ пересыл. по 25.

Адресъ редакціи. г. Холмъ. Любл. г. Духовная Семинарія. Плата за объявленія: за 1 страницу — 4 р., $\frac{1}{2}$ стр. — 2 р. 25 к. за строку — 15 к. Многократн. объявл. по соглашенію.

Въ присылаемыхъ статьяхъ редакція оставляетъ за собой право дѣлать измѣненія и сокращенія. За храненіе рукописей редакція не отвѣчаетъ и за свой счетъ обратно ихъ не высылаетъ.

Подъ Твою милость

привѣщаемъ, Богородице Дѣво.

Рукописи, присылаемыя въ редакцію, слѣдуетъ писать четко и разборчиво.

Рукописи безъ заявленія о гонорарѣ считаются безплатными.

№ 12.

ЧАСТЬ ОФФИЦАЛЬНАЯ.

№ 12.

Его Высокопреосвященство,
 Высокопреосвященнѣйшій Евлогій
 Архіепископъ Холмскій и Люблинскій,
 5-го числа текущаго іюня изволимъ отбыть изъ
 Холма въ С.-Петербургъ для участія въ совѣщаніяхъ по устройству новообразуемой Холмской губерніи.

Епархіальныя извѣстія и распоряженія.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 24 апрѣля 1913 года за № 3467, вдовѣ священника церкви села Челомыи, Сѣдлецкой губерніи и уѣзда, Маріи *Лотоцкой* назначена пенсія изъ казны по 150 руб. въ годъ съ 27-го октября 1912 года изъ Сѣдлецкаго Казначейства.

О перемѣнахъ по службѣ.

Назначенъ: окончившій курсъ Яблочинской причетнической школы Стефанъ *Стругало*—исправляющимъ должность псаломщика къ Непельской церкви, Константиновскаго уѣзда, съ 1-го іюня.

Перемѣщены: настоятель Цыцовской церкви, Холмскаго уѣзда, священникъ Сильвестръ *Магура*—къ Поболовицкой церкви того же уѣзда съ 1 іюня; псаломщикъ Непельской церкви, Константиновскаго уѣзда, Онуфрій *Рудницкій*—къ Роговской церкви, Соколовскаго уѣзда съ 1 іюня.

Утверждены: 1) въ должности церковнаго старосты: къ Городловской церкви, Грубешовскаго уѣзда, мѣщанинъ Иванъ *Модринскій*; къ Жулинской церкви, Томашовскаго уѣзда, крестьянинъ Теодоръ *Галай* на первое трехлѣтіе; къ Замлынской церкви Тышовецкаго прихода, Томашовскаго уѣзда, крестьянинъ Григорій *Шкула* на первое трехлѣтіе; 2) настоятель Мирченскаго прихода, Грубешовскаго уѣзда, священникъ Владиміръ *Гордасевичъ* въ должности помощника благочиннаго 3-го Грубешовскаго округа 18 мая.

П И С Ь М О

на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Евлогія, Архіепископа Холмскаго и Люблинскаго отъ состоящаго подъ **ВЫСОЧАЙШИМЪ** покровительствомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО **ВЕЛИЧЕСТВА КОМИТЕТА** по сбору пожертвованій и построенію во имя Св. Николая Мирликійскаго храма и страннопріимнаго дома при ономъ въ г. Бари, отъ 21 мая 1913 года.

Ваше Высокопреосвященство,

Высокопреосвященнѣйшій Владыко и Архипастырь!

Какъ извѣстно Вашему Высокопреосвященству, въ настоящее время въ г. Бари въ Италіи, гдѣ почиваютъ мощи Святи-

теля Николая, столь чтимаго русскимъ народомъ, воздвигается храмъ во славу и во имя Святителя, и при немъ особая странно-примница для Барградскихъ православныхъ паломниковъ. Для завѣдыванія постройкой и вообще всѣмъ дѣломъ устроения въ Бари этого православно-русскаго уголка **ВЫСОЧАЙШЕЙ** Властью учрежденъ особый Барградскій Комитетъ.

Отъ имени сего Комитета, какъ Предсѣдатель его, я и приѣмлю смѣлость обезпокоить Ваше Высокопреосвященство ниже приводимыми просьбами, возможное исполненіе коихъ значительно облегчитъ труды Комитета и поможетъ ему создать храмъ Святителя Николая съ тѣмъ проникновеннымъ благолѣпіемъ и идейностью, какія естественно хотѣлось бы дать столь знаменательному храму, устроаемому среди инославнаго и иноплеменнаго народа.

1. Усерднѣйше прошу распоряженія Вашего Высокопреосвященства доставить мнѣ подробный списокъ всѣхъ храмовъ и придѣловъ во имя Святителя Николая, существующихъ въ Вашей епархіи. Списки, представленныя со всей Россіи, дадутъ матеріалъ для цѣлой книги, которая воочію покажетъ, сколь высоко чтитъ русскій народъ великаго Святителя, ревнителя православной вѣры, правды и милосердія.

2. Хотѣлось бы, чтобы эта книга была написана и въ наглядныхъ изображеніяхъ: есть мысль при входѣ въ строящійся храмъ помѣстить фотографическія изображенія: а) всѣхъ церквей, посвященныхъ Святителю Николаю въ Россіи и б) всѣхъ особо чтимыхъ и замѣчательныхъ по древности или характеру письма иконъ Святителя Николая.

Въ виду сего, я усерднѣйше прошу Ваше Высокопреосвященство помочь Комитету въ осуществленіи сей мысли распоряженіемъ всѣмъ настоятелямъ соответствующихъ церквей представить чрезъ благочинныхъ и Консисторію означенныя фотографическія снимки.

На семь писемъ Его Высокопреосвященствомъ положена слѣдующая резолюція отъ 27 мая 1913 года за № 5142: *„Въ Консисторію для циркулярнаго предложенія духовенству сообщить требуемыя свѣдѣнія и по возможности дать фотографическія снимки храмовъ и древнихъ иконъ Свят. Николая. Письмо напечатать въ „Х. Ц. Ж.“*

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ ХОЛМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

I.

Своекоштные воспитанники, равно какъ полупансіонеры, полуказенные и полустипендіаты симъ поставляются въ извѣстность, что плата за содержаніе ихъ должна быть вносима *впередъ по четвертямъ года*, и что не внесшіе платы при поступленіи вовсе не будутъ допускаемы въ Семинарское общежитіе. Воспитанники, коимъ сдѣлана почему-либо отсрочка въ платѣ при поступленіи въ Семинарское общежитіе и кои не сдѣлали взноса въ теченіе двухъ недѣль послѣ установленнаго срока, удаляются изъ Семинарскаго общежитія въ дома родителей впредь до уплаты ими долга полностью.

II.

Экзамены на званіе учителя одноклассной ц.-прих. школы при Семинаріи въ семь году имѣютъ быть съ 20—25 августа. Докумены при прошеніяхъ представляются слѣдующіе: а) свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, б) о званіи, в) о бытіи у исповѣди и Св. Таинъ Причастія, г) объ образованіи и д) о политической благонадежности. Не представившіе документовъ къ экзаменамъ не допускаются.

УЧАСТІЕ НАШЕЙ ЦЕРКВИ ВЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ.

Въ послѣднее время по лицу земли русской широкою волною разлилось великое зло—такъ называемое хулиганство. Не нужно объяснять, въ чемъ именно состоитъ это уродливое, небывалое на Св. Руси, дикое явленіе, ибо всѣмъ и каждому изъ насъ извѣстны тѣ или иные случаи проявленія этого грубаго, иногда безмысленнаго, озорства, притомъ нѣкоторымъ извѣстны, можетъ быть, не только изъ книгъ или газетъ, но и изъ личнаго горькаго опыта. Каждый здравомыслящій человекъ несомнѣнно не разъ и, притомъ, глубоко задумывался надъ этимъ уродливымъ, печальнымъ явленіемъ, ища причинъ его и, разумѣется, средствъ къ устраненію этихъ причинъ. Многіе указываютъ какъ на главную причину появленія хулиганства, на ослабленіе въ минувшіе, такъ называемые освободительные годы, власти, когда большинство представителей оной съ излишней снисходительностью относилось ко всевозможному проявленію зла въ общественной жизни. Съ этимъ, конечно, нельзя не согласиться; страхомъ наказаній потокъ зла всегда въ той или иной мѣрѣ пріостанавливается или задерживается. Но для искорененія зла необходимо стараться не только пріостановить или задержать его проявленіе, но исторгнуть самый корень его въ душѣ человека и развить взамѣнъ него существующія въ ней добрыя начала или, что то-же, *воспитать* человека. Но, конечно, еще гораздо цѣлесобразнѣе не давать возможности укореняться злему началу въ душѣ человека, для чего начать дѣло воспитанія человека *въ самомъ раннемъ его дѣтствѣ*.

Вопросъ о воспитаніи дѣтей всегда сознавался, какъ вопросъ первостепенной важности, ибо въ дѣтяхъ мы видимъ, какъ говорятъ, свои лучшія надежды. Отсюда вопросъ этотъ всегда занималъ и занимаетъ умы многихъ людей: на страницахъ и повременныхъ журнальныхъ изданій и даже газетъ онъ всегда такъ или иначе освѣщался и освѣщается, рѣшался и рѣшается мыслящими людьми. Непонятнымъ при этомъ является только то обстоятельство, что мыслящее общество, проявляя глубокій интересъ къ вопросу о дѣтскомъ воспитаніи, много и подробно говорить объ участіи въ воспитаніи дѣтей семьи и школы, но

вопроса объ участии въ этомъ великомъ дѣлѣ нашей Церкви почти совсѣмъ не касается. Почему такъ? Одни, мож. быть, потому не касаются этого вопроса, что не считаютъ Церковь компетентной въ этомъ великомъ дѣлѣ и надѣются успѣшно выполнить его при помощи только семьи и школы. Но вѣдь, прямая и главная задача Церкви нашей въ томъ и состоитъ, чтобы воспитывать всѣхъ своихъ членовъ¹⁾, а въ числѣ ихъ, конечно, и дѣтей и ихъ даже по преимуществу²⁾, ибо дѣтскій возрастъ представляется наиболѣе удобнымъ для воспитательнаго воздѣйствія³⁾. Кромѣ того предметомъ церковнаго воспитанія служитъ въ душѣ дитяти область религіозно-нравственная, область самая глубокая, лежащая въ основѣ всего дѣтскаго воспитанія. Въ воспитательномъ дѣлѣ, какъ извѣстно имѣеть ничѣмъ незамѣнимое значеніе авторитетъ воспитателей. А Церковь и имѣеть своею задачею воспитать въ дѣтскихъ душахъ прежде всего твердую вѣру въ Бога⁴⁾ или что тоже, воспитать твердый и незыблемый авторитетъ—авторитетъ Божественный, которымъ санкціонируются и утверждаются всѣ земные авторитеты—родителей⁵⁾, наставниковъ⁶⁾, начальниковъ⁷⁾. Отсюда становится очевиднымъ, что всѣхъ, кому только дороги интересы дѣтскаго воспитанія (а кому они могутъ быть не дороги!), долженъ глубоко интересоваться вопросомъ объ участии нашей Церкви въ воспитаніи дѣтей. Другіе не говорятъ о вопросѣ этомъ, мож. быть потому, что видятъ недостаточное вниманіе и заботливость къ этому великому и отвѣтственному дѣлу—воспитанію дѣтей со стороны тѣхъ лицъ, которымъ Церковь такъ или иначе вручаетъ его. Но, вѣдь, для того, чтобы залѣчить раны, ихъ необходимо открыть; чтобы исправиться отъ какихъ-либо недостатковъ, ихъ необходимо сознать. Поэтому плохую услугу оказываютъ Церкви тѣ чада ея, которыя замалчиваютъ тѣ или другіе недостатки въ ея жизни. Худо, когда примиряются со всякою дѣйствитель-

¹⁾ Ефес. IV, 11—14.

²⁾ Марк. X, 14.

³⁾ Недаромъ дѣтская душа многими педагогами сравнивается то съ мягкимъ воскомъ, то съ молодымъ, гибкимъ деревцомъ, которое легко гнется и въ ту и въ другую стороны, то съ незабываюю ничѣмъ нивою, на которой, что угодно, можно посѣять и т. п.

⁴⁾ Ефес. IV, 13—14.

⁵⁾ Ефес. VI, 1—3.

⁶⁾ Евр. XIII, 17.

⁷⁾ Рим. XIII, 1—7; 1 Петр. II, 13—18.

ностью, когда говорятъ, что дѣло должно идти такъ, какъ оно идетъ, что иначе оно и идти не можетъ, словомъ, когда не сознають несоотвѣтствія дѣйствительности идеалу. Идеаль нашей духовной Матери—Церкви, какъ воспитательницы нашей и, притомъ, съ самаго ранняго нашего дѣтства,—не долженъ угасать въ нашемъ общественно—христіанскомъ сознаніи, но долженъ всегда въ немъ ярко горѣть и свѣтить намъ, чтобы всегда мы имѣли возможность сравнивать съ нимъ дѣйствительность. Одно уже это сознаніе несоотвѣтствія дѣйствительности идеалу есть шагъ впередъ на пути исправленія недостатковъ. Газета „Колоколь“ въ своей передовой статьѣ „Церковь молчитъ“ (1 июня 1913 г.) удивляется сужденію другой, можно сказать въ общемъ солидарной съ нею, газеты „Россія“ относительно обвиненія этою газетою нашей Церкви въ появленіи такихъ нравственныхъ чудовищъ, какъ убійцы извѣстной (по газетнымъ сообщеніямъ) Тиме. Но чему же здѣсь удивляться, если Церковь призвана воспитывать всѣхъ безъ исключенія своихъ членовъ и, притомъ, съ самаго ранняго дѣтства? Если даже „воспитаніе дѣтей въ свѣтскомъ кругу въ большинствѣ совершенно изолировано отъ вліянія Церкви“, какъ говоритъ „Колоколь“, то и въ этомъ нѣтъ-ли какой-либо вины и со стороны Церкви или, вѣрнѣе сказать, тѣхъ лицъ, которымъ Церковь поручаетъ дѣло воспитанія дѣтей? Разъ Далматовы и Гейсмары принадлежатъ Церкви, какъ чада ея, то Церковь и должна отвѣчать за ихъ нравственное состояніе, отвѣчать и предъ судомъ общества и, что несравненно важнѣе, *предъ судомъ Божиимъ*. Вѣдь, если, „отыскивая виноватыхъ въ появленіи такихъ нравственныхъ чудовищъ, газета („Россія“) между прочимъ къ числу ихъ относитъ и Церковь“, то, несомнѣнно, дѣлаетъ это съ горькимъ чувствомъ сокрушенія и съ самымъ сильнымъ, горячимъ благимъ желаніемъ, чтобы впредь такихъ чудовищъ не появлялось въ числѣ членовъ Церкви, чтобы воспитательное вліяніе Церкви не оставалось бездѣйственнымъ, чтобы тѣ недостатки, которые существуютъ въ жизни Церкви въ этомъ отношеніи, были устранены на будущее время.

Съ такимъ чувствомъ и желаніемъ и мы постараемся выяснить себѣ вопросъ объ участіи нашей Церкви въ воспитаніи дѣтей, именно: *каково должно быть церковное воспитаніе дѣтей въ своемъ идеалѣ, съ одной стороны, а съ другой—какіе можно указать пути для проведенія идеала въ жизнь и какія замечаются въ дѣйствительной жизни отклоненія отъ этихъ путей.*

Долгъ воспитанія дѣтей лежитъ, несомнѣнно, прежде всего на ихъ родителяхъ. Родители, дающіе жизнь своему дитяти, естественно, должны и воспитывать его въ этой жизни. Но дѣти—христіане, кромѣ своихъ плотскихъ родителей имѣютъ еще и общую всѣмъ христіанамъ—и взрослымъ и дѣтямъ— Матерь благодатную, духовную, — Церковь, которая духовно рождаетъ ихъ въ таинствѣ крещенія, принимаетъ ихъ въ свое лоно чрезъ обрядъ такъ называемаго „воцерковленія“. Отсюда очевидно, что Церковь, рождающая ихъ въ духовную жизнь, должна и воспитывать ихъ въ этой самой жизни. Въ крещеніи дитя получаетъ *наименованіе* „чада Божія“, „человѣка Божія“. Церковь должна каждое свое новокрещенное дитя по мѣрѣ проявленія въ немъ сознательной духовной жизни такъ воспитать, чтобы оно *дѣйствительно стало* Божиимъ чадомъ, Божиимъ человѣкомъ: чтобы оно всѣми силами своей души стремилось къ Богу, какъ къ своему Небесному Отцу. Подобно тому, какъ добрая мать въ семьѣ приучаетъ своихъ грудныхъ дѣтей къ общенію съ ихъ земнымъ отцомъ,—котораго дѣти обыкновенно не такъ часто видятъ, какъ ее,—такъ и Церковь наша должна направить всѣ силы и способности дѣтскихъ душъ къ общенію ихъ съ Отцемъ ихъ Небеснымъ Отцомъ невидимымъ,—Богомъ. Воспитаніе дѣтское вообще, какъ извѣстно, состоитъ въ сохраненіи, развитіи и добромъ наставленіи тѣхъ силъ и способностей, которыя даются человѣку отъ природы. Главныя природныя силы и способности человѣческой души—умъ, сердце и воля. Отсюда, духовное воспитаніе дѣтей должно состоять въ сохраненіи, развитіи и добромъ направленіи этихъ трехъ силъ и способностей. Умъ человѣческій, по природѣ своей, стремится къ истинѣ, сердце—къ красотѣ, воля—къ добру. Во всемъ видимомъ мірѣ дитя не можетъ найти полного выраженія этихъ идей—истины, красоты и добра. Даже въ своихъ родителяхъ, наставникахъ и, вообще, всѣхъ воспитателяхъ,—всегда болѣе или менѣе авторитетныхъ для дитяти,—оно не можетъ не замѣчать и своимъ слабымъ еще умомъ (какъ въ немощныхъ людяхъ) нѣкоторыхъ недостатковъ, нѣкоторыхъ несовершенствъ. А, между тѣмъ, коренное свойство человѣческаго духа стремленіе въ безконечность, стремленіе къ совершенству. Отсюда, дѣтская душа, направляемая въ своихъ стремленіяхъ только къ предметамъ видимаго міра въ такъ называемомъ свѣтскомъ воспитаніи,—естественно, должна чувствовать, въ себѣ постоянную неудовлетворенность, тоску по чемъ-то вышемъ, совершенномъ. Помочь

должному удовлетворенію этихъ высшихъ запросовъ дѣтской души и есть прямой долгъ Церкви. Церковь должна пробудить въ душѣ дитяти вѣру въ высшую Истину, высшую Красоту, высшее Добро, вѣру въ существованіе безконечнаго невидимаго Духа—Бога. Пробудивъ вѣру въ дитяти, Церковь должна утвердить ее въ немъ, дабы оно, „не колебалось всякимъ вѣтромъ ученія ¹⁾“. Съ этою цѣлью она должна постепенно, но постоянно, открывать дѣтскому уму, по мѣрѣ проявленія въ немъ сознательной жизни, свойства безконечнаго Существа все въ большемъ и большемъ свѣтѣ. Сообразно со степенью восприимлемости умственныхъ способностей дитяти, вначалѣ Церковь должна питать его млеко́мъ духовнымъ, а потомъ и болѣе твердою пищею. Но свою пищу она должна давать дѣтскому уму въ непрерывномъ изобиліи, дабы онъ не отоцалъ духовно, и чрезъ то не лишился самой потребности въ этой дух. пищѣ и не обратился къ воспріятію другой, вредной для него, пищи. При томъ, питать умъ дитяти Церковь должна настолько обильно, чтобы оно и на малое время не могло себѣ представить никакого другого, болѣе прекраснаго, идеала, чѣмъ идеаль безконечнаго невидимаго Существа.

Когда въ представленіяхъ дѣтскаго ума будетъ начертанъ этотъ идеаль безконечнаго Существа, тогда и сердце дѣтское, естественно, будетъ плѣнено красотой этого Существа и будетъ своею любовью стремиться къ Нему. Но такъ какъ сердце каждаго человѣка и, въ частности, дитяти отъ природы находится въ плѣну грѣха, и естественная любовь человѣка къ самому себѣ превращена грѣхомъ въ противоестественное самолюбіе, доходящее до самообожанія, то, очевидно, въ дѣтскомъ сердцѣ должна происходить борьба извращеннаго грѣхомъ самолюбія съ любовью Божественною. Задача Церкви, воспитывающей дитя,—прийти на помощь къ своему чаду въ этой борьбѣ и помочь ему подавить въ себѣ грѣховное самолюбіе. И эта церковная задача, должно замѣтить, самая первая и самая важная въ дѣтскомъ воспитаніи. Все умственное воспитаніе дитяти должно сводиться къ рѣшенію этой задачи—доброму воспитанію сердца, ибо если умъ вызываетъ въ сердцѣ человѣческомъ стремленіе къ идеалу яснымъ и живымъ представленіемъ его, то, наоборотъ и сердце постоянно вызываетъ въ умѣ тѣ или иныя помысленія ²⁾, такъ

¹⁾ Ефес. IV, 14.

²⁾ Марк. VII, 22—23.

что сердце, исполненное грѣха, не даетъ возможности уму создавать и самыя идеальныя представленія. Отсюда является крайней необходимостью прежде всего подавлять въ дѣтскомъ сердцѣ сѣмя грѣха, пока въ немъ оно не разрослось и не пустило глубокихъ корней. А такъ какъ, по свидѣтельству Слова Божія, „страхомъ Господнимъ уклоняется всякъ отъ зла“¹⁾, то Церковь и должна прежде всего возбудить въ дѣтскомъ сердцѣ живое чувство страха Божія. Сильно дѣйствуя на нѣжную дѣтскую душу, страхъ Божій и будетъ въ ней подавлять грѣховныя пожеланія и мысли²⁾. Такимъ образомъ, освобождаясь все болѣе и болѣе отъ грѣха, дѣтская душа будетъ становиться все болѣе и болѣе способною къ воспитанію въ ней любви. Посему-то св. Іоаннъ Лѣствичникъ говоритъ: „умноженіе страха Божія есть начало любви“³⁾. А св. Исаакъ Сиріанинъ прямо говоритъ, что безъ страха Божія невозможно достигнуть никому любви. „Какъ невозможно“, говоритъ онъ, „переплыть море безъ корабля и людей, такъ никто не можетъ безъ страха достигнуть любви“⁴⁾. Итакъ страхъ есть начало воспитанія: „онъ, говоритъ Св. Василій Великій, какъ предуготовитель ко благочестію, допускается по необходимости; послѣдующая же за нимъ любовь усовершеншаетъ тѣхъ, которые образовались въ училищѣ страха“⁵⁾. По воспитанію въ сердцѣ дитяти любви прежній страхъ рабскій постепенно переходитъ въ страхъ сыновній, по которому

¹⁾ Притч. XV, 27.

²⁾ Всѣ святые Отцы и Учители Церкви, чрезъ постоянное самонаблюденіе глубоко изучившіе свойства человѣческой души, придавали великое воспитательное значеніе дѣйствию въ насъ страха Божія. Напр., св. Климентъ Александрійскій говоритъ: «страхъ Господень отгоняетъ грѣхи» (Педаг. кн. I, гл. IX, стр. 77). «Страхъ будущаго суда и наказаній», говоритъ Св. Василій Великій, «какъ бы нѣкоторою уздою воздерживаетъ душу отъ худыхъ пожеланій» (Весѣда на 35 пс., т. I, стр. 247—248). «Страхъ Божій», говоритъ Св. Авва Дороеей, «охраняетъ душу отъ всякаго паденія» (Доброт. III, II, подв. наставл. Аввы Дороеея, настав. 23-е). «Когда страхъ (Божій) объемлетъ души наши, ни одна изъ низкихъ страстей не можетъ легко войти въ насъ, но всѣ удаляются и бѣгутъ, гонимыя отсюда силою страха», говоритъ Св. І. Златоустъ (Бес. XV о стат. т. II, изд. 2-е, стр. 171) и т. д. Болѣе подробно говорится о воспитательномъ значеніи страха Божія въ виду важности предмета и особенно, въ виду того, что нѣкоторыми педагогами отрицается его значеніе. Забывая о глубокой испорченности человѣческой природы, исправляемой только дѣйствіемъ страха Божія, они несправедливо утверждаютъ, что на дитя нужно дѣйствовать только одною любовью.

³⁾ Лѣств. дух. сл. XXX, § 20.

⁴⁾ Доброт. т. II, наст. Ис. Сир. 253-е.

⁵⁾ Вас. Вел. бес. на 32-й пс. ч. I-я, стр. 226—227.

человѣкъ боится уже не страха наказаній, но лишенія Божіей любви къ нему¹⁾.

Сердце дѣтское, исполненное любви къ Богу, естественно, будетъ возбуждать и въ волѣ дитяти рѣшимость приблизиться къ Богу, рѣшимость Ему уподобиться. При этомъ, умъ, своимъ представленіемъ красоты высочайшаго идеала, будетъ укрѣплять эту рѣшимость. Но, при настоящей испорченности человѣческой природы, умъ и сердце дитяти не всегда представляютъ волѣ его одни добрыя побужденія, напротивъ, часто и весьма часто вмѣстѣ съ ними злыя. Начинается въ дѣтской душѣ внутренняя борьба между тѣми и другими побужденіями. Страхъ Божій часто исчезаетъ изъ дѣтской, болѣе или менѣе склонной къ перемѣнѣ впечатлѣній, души. А затѣмъ еще на впечатлительную дѣтскую душу сильно могутъ дѣйствовать внѣшніе соблазны, склоняя ее ко злу. Отсюда понятно, что воля дитяти, еще не окрѣпшая въ борьбѣ со зломъ, нуждается въ постоянномъ надежномъ руководствѣ, въ твердой опорѣ. Правда, есть въ дѣтяхъ, какъ и въ каждомъ человѣкѣ, внутренній руководитель — совѣсть, которая направляетъ волю ихъ къ добру. Но часто и голосъ совѣсти оказывается въ нихъ безсильнымъ противъ бури страстей и похотей грѣховныхъ и особенно часто это бываетъ съ дѣтьми при переходѣ ихъ въ юношескій возрастъ, когда влеченія страстей бывають сильными, а голосъ совѣсти, помрачаемой грѣхами, ослабѣваетъ. Отсюда, является нужда для дѣтской воли въ постоянномъ внѣшнемъ авторитетномъ руководствѣ, которое укрѣпило-бы ее въ борьбѣ съ злыми побужденіями, и направило-бы въ сторону добра. Такимъ руководителемъ воли каждаго своего юнаго чада и должна быть Церковь. Она должна приучить волю дитяти во всемъ согласовать себя съ волею Божіею, для чего — постоянно прислушиваться къ голосу своей совѣсти и провѣрять послѣднюю писаннымъ закономъ Божіимъ.

Итакъ, Церковь должна воспитать въ дитяти и умъ, и сердце, и волю, дабы сдѣлать его „совершеннымъ Божіимъ человѣкомъ, на всякое дѣло благое уготованнымъ“²⁾. Предѣломъ этого совершенства должна быть „мѣра возраста исполненія Христова“³⁾. Такое воспитаніе, очевидно, должно глубоко и

¹⁾ Строматы св. Кл. Ал. кн. II, гл. VIII, стр. 210—211; Доброт., наст. Аввы Дорофея 22-е.

²⁾ 2 Тим. III. 17.

³⁾ Еф. IV, 13.

широко захватывать дѣтскую жизнь: оно должно красною нитью проходить чрезъ всю жизнь каждаго дитяти. Живеть-ли дитя въ семьѣ, учится-ли оно въ школѣ, находится ли оно гдѣ-либо въ услуженіи вдали отъ семьи и школы,—Церковь вездѣ должна пеcись о религиозно-нравственномъ воспитаніи своего юнаго чада. Богатыхъ-ли родителей дитя, бѣдныхъ-ли, готовятъ-ли они его къ занятію высокой общественной должности, или къ скромному труду ремесленника,—Церковь, подобно матери, одинаково любящей всѣхъ своихъ дѣтей, должна съ одинаковымъ усердіемъ заботиться о воспитаніи каждаго дитяти—христианина. Вообще, церковное воспитаніе должно собою проникать, восполнять, возвышать, объединять и заканчивать всякое дѣтское воспитаніе.

Таковъ идеаль церковнаго воспитанія. Но *какъ и насколько* онъ *осуществляется* Церковью на практикѣ? Для практическаго осуществленія его наша Церковь, сообразно съ тремя главными духовными силами и способностями дитяти, имѣетъ *три пути*: 1) *наученіе*, 2) *воздѣйствіе чрезъ богослуженіе* и 3) *близкое руководство въ жизни*.

Церковное *наученіе*, хотя непосредственно дѣйствуетъ на умъ дѣтей, но, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду не обогащеніе ума многими знаніями, а дѣйствіе этихъ знаній,—хотя и немногихъ,—на дѣтское сердце, а отсюда на образованіе въ душѣ дитяти добрыхъ настроеній, какъ побужденій для его воли къ добрымъ поступкамъ. Посему забота Церкви о наученіи дитяти должна начинаться съ первыхъ проблесковъ его сознательной жизни. Въ виду этого Церковь наша при самомъ крещеніи дитяти, совершаемомъ обыкновенно вслѣдъ за плотскимъ его рожденіемъ, поставляетъ для наученія его „Закону Божию и богоугодной дѣятельности“¹⁾ изъ среды своихъ членовъ особыхъ лицъ, такъ называемыхъ воспріемниковъ, для сего требуя отъ нихъ непремѣннаго знанія основныхъ истинъ Христовой вѣры и добродѣтельной жизни²⁾. Но, къ сожалѣнію нужно сказать, воспріемники нисколько не заботятся объ исполненіи своихъ обязанностей. Ихъ небреженіе въ этомъ отношеніи нерѣдко простирается до такой степени, что они забываютъ даже и имена своихъ крестныхъ дѣтей. Воспріемничество, такимъ образомъ, въ нашей Церкви обратилось въ пустую формальность.

¹⁾ Чинъ крещенія.

²⁾ Треникъ П. Могилы, «о воспріемникахъ».

Объ этомъ свидѣтельствуесть укоренившійся у насъ обычай поставлять воспріемниками дѣтей нерѣдко такихъ лицъ, которыя имѣють свое постоянное жительство за цѣлыя десятки, сотни и, даже, тысячи верстъ отъ своихъ крестныхъ дѣтей, и поставлять ихъ часто заочно. И, притомъ, кого обыкновенно родители приглашаютъ въ воспріемники своимъ дѣтямъ? Не того, кто болѣе свѣдуещъ въ Законѣ Божіемъ и добродѣтеленъ въ жизни, но того, кто болѣе знатенъ и богатъ. Пастыри духовные, которымъ Церковь вручаетъ право высшаго руководства дѣломъ народнаго воспитанія¹⁾ и, въ частности, особенно дѣтскаго²⁾, за весьма рѣдкими исключеніями, не только не протестуютъ противъ этихъ, несогласныхъ съ требованіями Церкви, обычаевъ, но часто и сами слѣдуютъ имъ. Не требуя отъ воспріемниковъ должнаго ихъ усердія въ дѣлѣ дѣтскаго воспитанія, пастыри и сами не проявляютъ этого усердія. Они даже часто и не надзираютъ за воспитаніемъ малолѣтнихъ дѣтей ихъ родителями, каковы бы послѣдніе ни были по вѣрѣ и жизни³⁾. Такимъ образомъ, новокрещенныя дѣти въ своемъ воспитаніи находятся внѣ почти всякаго воздѣйствія на нихъ Церкви до самаго своего школьнаго возраста. Но вотъ они, достигнувъ извѣстнаго возраста, собираются въ школу. Здѣсь пастырю Церкви представляется больше возможности воспитывать дѣтей въ религіозно-нравственной области, ибо никому другому, но ему именно поручается преподаваніе Закона Божія собравшимся въ школѣ дѣтямъ. Благо для пастыря законоучителя, если родители раньше постарались уже въ своихъ дѣтяхъ воспитать чувства любви и уваженія къ нему. Тогда у него дѣло наученія дѣтскаго должно идти успѣшно: такія дѣти на первыхъ же порахъ будутъ относиться къ нему съ довѣріемъ и воспринимать преподаваемое имъ ученіе не однимъ только своимъ умомъ, но и, главное, серд-

¹⁾ Ефес. IV, 11—16; 58-е ап. пр.

²⁾ Мар. X. 14; 10-е пр. VII. всел. соб.

³⁾ Систематическихъ посещеній пастырями всѣхъ домовъ въ приходѣ, гдѣ имѣются малолѣтнія дѣти, въ дѣйствительной практикѣ у насъ не существуетъ. Но этого, нельзя, конечно, строго и требовать отъ пастыря, имѣющаго въ своемъ приходѣ цѣлыя сотни такихъ домовъ. Знакомый съ духовною жизнью своихъ прихожанъ, пастырь можетъ быть увѣренъ, что, извѣстные ему своею христіанскою жизнью, родители и сами постараются научить своихъ дѣтей вѣрѣ и добродѣтели, имѣя на то прямую заповѣдь Божію (Еф. VI, 4). Но ужъ ни въ коемъ случаѣ неизвинительнымъ для него является то, что онъ только случайно и то рѣдко посѣщаетъ наряду съ остальными такіе дома своего прихода, въ которыхъ, онъ знаетъ, родители ни словомъ, ни примѣромъ не могутъ христіански воспитать своихъ дѣтей.

цемъ. Къ сожалѣнію иногда бываетъ наоборотъ особенно среди такъ называемой интеллигенціи: родители, сами далекіе отъ своего пастыря, не только не стараются приблизить къ нему своихъ дѣтей, но и отдаляютъ отъ него, отзываясь въ ихъ присутствіи о немъ съ недоверіемъ или пренебреженіемъ и, тѣмъ самымъ поселяя и въ своихъ дѣтяхъ тѣ же чувства къ ихъ пастырю—законоучителю. Тогда, естественно, дѣло воспитанія дѣтскаго идетъ уже не съ такимъ успѣхомъ: законоучителю бываетъ необходимо сначала пріобрѣсти любовь, довѣріе и уваженіе отъ своихъ юныхъ слушателей, чтобы своими уроками благотворно дѣйствовать на ихъ сердца. Но это зло еще поправимое. Законоучитель можетъ своими отношеніями къ дитяти, проникнутыми искреннимъ участіемъ и любовью, склонить нѣжное дѣтское сердце,—довольно легко поддающееся постороннему вліянію на него,—въ свою сторону, „заоевать“ себѣ любовь, довѣріе и уваженіе дитяти. Гораздо труднѣе бываетъ законоучителю бороться со зломъ тогда, когда родители продолжаютъ оказывать свое вредное вліяніе на дитя и по поступленіи его въ школу, живя вмѣстѣ съ нимъ и постоянно парализуя доброе воздѣйствіе на него законоучителя. Здѣсь отъ законоучителя требуется уже великое терпѣніе, самоотверженная любовь къ своему дѣлу, чтобы не ослабѣвать въ своемъ добромъ воздѣйствіи на дитя и, въ концѣ концовъ,—когда дитя начнетъ относиться уже болѣе сознательно къ окружающимъ его явленіямъ,—заоевать себѣ его симпатіи. Но, къ сожалѣнію нерѣдко и сами законоучители стоятъ далеко не на высотѣ своего призванія, какъ обнаруживаетъ это дѣйствительная практика. Часто бываютъ отношенія законоучителя къ учащимся проникнуты чисто официальнымъ характеромъ, чужды искренняго участія и любви. Преподаваніе въ школахъ Закона Божія въ этомъ случаѣ ничѣмъ почти не отличается отъ преподаванія другихъ предметовъ: уроки законоучителя не похожи бываютъ на бесѣды отца къ дѣтямъ, но полны сухого школьнаго формализма. Такъ называемый „хорошій“ законоучитель заботится больше о томъ, чтобы хорошо знали ученики его предметъ, точно усвоили на память различныя догматическія опредѣленія и бойко отвѣтили на экзаменѣ, чѣмъ о томъ, чтобы предметъ Закона Божія проникъ въ сердца учащихся, улучшилъ ихъ чувства и нравы и выразился въ тѣхъ или иныхъ ихъ добрыхъ поступкахъ. Отсюда, все вниманіе учащихся обыкновенно обращается на то, чтобы бойко отвѣчать законоучителю уроки, задаваемые имъ,

и за это получать отъ него хорошія отмѣтки въ журналахъ. Подъ вліяніемъ такой, чисто формальной, постановки изученія Закона Божія, въ школѣ не можетъ быть и рѣчи о добромъ вліяніи его на дѣтскія сердца: онъ не можетъ воспитать въ нихъ святыхъ чувствъ вѣры, любви и страха Божія. Естественнымъ слѣдствіемъ всего этого является развитіе въ учащихся того религіознаго индифферентизма, который въ послѣднее время среди нихъ замѣчается все въ большей и большей мѣрѣ¹⁾.

Таковы бывають часто горькіе плоды церковно-школьнаго наученія дѣтей. Но бывають и такія дѣти (въ средѣ простонародной), которыя по бѣдности или, чаще, по нерадѣнію своихъ родителей, совсѣмъ въ школу не попадаютъ и особенно часто не попадаютъ въ нее дѣвочки. И такія дѣти остаются на всю жизнь свою внѣ почти всякаго церковнаго наученія²⁾. Для наученія ихъ пастырями нашей Церкви устраиваються такъ называемыя „воскресныя школы“, ведутся внѣбогослужебныя собесѣдованія въ катихизической формѣ, но все это мало достигаетъ цѣли, ибо, во 1-хъ, эти школы и собесѣдованія не повсемѣстны, но существуютъ въ рѣдкихъ приходахъ, а во 2-хъ, что самое главное, дитя, не питаемое „измлада“ духовной пищею, мало по малу теряетъ и потребность въ ней, не чувствуя уже въ себѣ духовнаго глада. Такъ и вырастають физически дѣти—христиане, но по вѣрѣ своей они остаются младенцами, „скитающимися всякимъ вѣтромъ ученія“. Они часто не имѣють правильнаго понятія о Богѣ и святыхъ³⁾, иконы называютъ „богами“, не умѣють правильно прочитать (а иногда и совсѣмъ никакъ не умѣють) ни Символа Вѣры, ни общеупотребительныхъ церковныхъ мо-

¹⁾ Встрѣчаются на практикѣ и такіе законоучители,—особенно часто въ среднихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ,—которые не обращаютъ вниманія и на знаніе учащимся Закона Божія, которые обыкновенно слывуть среди послѣднихъ за «добрыхъ бабюшекъ», которымъ-де не нужно готовить уроковъ, чтобы получить у нихъ хорошія отмѣтки баллыныя, которые, словомъ, относятся къ своему дѣлу «теплохладно». Подъ вліяніемъ и такой, слабой, постановки дѣла въ учащихся естественно развивается такъ-же религіозный индифферентизмъ, образовывается пустота религіозная не только въ сердцахъ ихъ, но и умахъ, да еще, пожалуй, является,—при развитіи умственномъ въ другихъ областяхъ знанія, въ нихъ какое-то полупревенебрежительное отношеніе къ Закону Божию и, конечно, къ личности самаго законоучителя.

²⁾ Между тѣмъ какъ церковное наученіе дѣвочекъ, будущихъ матерей и непосредственныхъ воспитательницъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, должно бы для Церкви имѣть особенно важное значеніе.

³⁾ Смѣшивають, напр., «Пресвятую Троицу» и «Богородицу», Ілію Пророка, Николая Чудотворца почитають за боговъ и пр.

литвъ, полны суевѣрныхъ представленій, о нравственности понятія имѣютъ самыя превратныя¹⁾. Отсюда становится понятными частныя отпаденія отъ нашей Церкви въ расколъ и сектантство.

Итакъ, въ дѣйствительной жизни нашей Церкви довольно часто наблюдаются эти два печальныя явленія: съ одной стороны, неправильная постановка дѣла наученія, а съ другой, отсутствіе всякаго наученія. Плодъ перваго—религіозный индиферентизмъ, втораго—религіозное невѣжество.

Но въ Церкви нашей имѣется *другой воспитательный путь*, которымъ возможно, при должномъ имъ пользованіи, и сердце индиферентное согрѣть вѣрою и невѣжественный разумъ просвѣтить истиною. Таковъ путь воздѣйствія *чрезъ богослуженіе*. Богослуженіемъ своимъ наша Церковь хотя дѣйствуетъ непосредственно на сердце дитяти, возбуждая въ немъ чувство истинной вѣры, сопровождаемой любовью и страхомъ Божиимъ, но дѣйствіе это, по нераздѣльности духовныхъ силъ въ человѣкѣ, такъ же, какъ и дѣйствіе наученія, простирается на всѣ силы духовныя,—и на умъ, просвѣщая его истиною, и на волю, побуждая ее къ добродѣтели. Свое богослуженіе наша Церковь совершаетъ большею частью въ храмахъ, въ которыхъ вся обстановка такъ устроена, что она должна сильно дѣйствовать на впечатлительную душу дитяти. И самый внѣшній видъ храма, непохожій на обыкновенныя жилища, и благоговѣйное собраніе молящихся, и священныя изображенія, и возженіе предъ ними свѣчь, и кажденіе—оиміамомъ, и стройное, торжественное пѣніе священныхъ пѣсней и умиленное, внятное, толковое чтеніе Слова Божія и молитвъ, и авторитетное разъясненіе читаемаго священнослужителемъ съ церковной кафедры, — все это не можетъ не вызывать въ нѣжномъ дѣтскомъ сердцѣ чуднаго аккорда чувствъ вѣры, благоговѣйнаго страха предъ Богомъ и любви къ Нему, все это не можетъ и не назидать ума дитяти, все это не можетъ и волю его не наполнять рѣшимостью къ Богоугодной дѣятельности. А молитвенное обращеніе всѣхъ собравшихся въ храмъ „единими

¹⁾ Такого религіознаго невѣжества немислимо встрѣтить въ членахъ церквей западныхъ, гдѣ, какъ извѣстно, безъ знанія основныхъ истинъ вѣры невозможно быть и подтвержденнымъ. Очевидцы, напр., говорятъ о католикахъ, что «у нихъ любая женщина прочтетъ вамъ и «Pater noster» и «Ave Maria» и «Credo» (на своемъ родномъ нарѣчій) и сможетъ, пожалуй, объяснить» (Пр.—Руск. Слово 1904 г. Май № 9, «Въ чемъ наша слабость», Свящ. Веселицкаго, стр. 802). У протестантовъ дѣло религіозно-нравственнаго наученія поставлено еще лучше.

устами къ единому Отцу Небесному не можетъ не возбуждать въ сердцѣ дитяти и любви къ людямъ.

Но и этотъ воспитательный путь въ дѣйствительной жизни часто не приводитъ къ желанной цѣли. Непосредственно виновными въ этомъ являются старшіе члены Церкви, служащіе соблазномъ для „малыхъ“. Дѣти, естественно, всегда стремятся подражать взрослымъ. А, между тѣмъ, послѣдніе далеко не все и не всегда стоятъ въ храмѣ съ должнымъ благоговѣніемъ. Многие изъ нихъ, придя въ храмъ, прежде всего оглядываются по сторонамъ, чтобы разсмотрѣть присутствующихъ, потомъ подходятъ къ нимъ, выдаются, спрашиваютъ о здоровьи, передаютъ другъ другу новости, судятъ своихъ ближнихъ, смѣются и пр. Такъ что, поистинѣ, храмъ для нихъ становится не домомъ Божиимъ а какимъ-то публичнымъ мѣстомъ для свиданій и разговоровъ. Пастыри наши, хотя и дѣлаютъ предстоящимъ общія внушенія о благоговѣнномъ въ храмѣ стояніи, но не проявляютъ истинно пастырской „настойчивости“, не предпринимаютъ никакихъ мѣръ строгости противъ непокорныхъ своихъ духовныхъ чадъ, а потому внушенія пастырскія и остаются бездѣйственными. Ктитору храма, не побуждаемый священникомъ — настоятелемъ, нисколько не печется о соблюденіи въ храмѣ тишины и порядка, хотя и обязывается къ тому своею инструкціею. Печальнымъ слѣдствіемъ всего этого бываетъ то, что дѣти, стоя вмѣстѣ съ взрослыми и видя, какъ послѣдніе ведутъ себя въ храмѣ, естественно соблазняются и начинаютъ подражать имъ. И черезъ это дитя лишается тѣхъ святыхъ чувствъ, которыя должна бы возбуждать въ немъ вся обстановка богослужебная. Хорошо, если оно приходитъ въ храмъ съ благоговѣнными родителями или, вообще, воспитателями и стоитъ подъ ихъ присмотромъ: они, во время останавливая расшалившееся дитя, словомъ и примѣромъ своими научаютъ его благоговѣнному въ храмѣ стоянію, предохраняютъ душу дитяти отъ окружающихъ его соблазновъ. Но часто пускаютъ дѣтей въ храмъ безъ всякаго присмотра. Хуже того: иногда сами родители и воспитатели служатъ такимъ соблазномъ для своего воспитанника. И вотъ дитя, хотя и слышало на урокахъ Закона Божія о благоговѣнномъ стояніи въ храмѣ, гдѣ невидимо Самъ Богъ присутствуетъ, хотя и прониклось святыми чувствами, можетъ быть, при самомъ входѣ въ храмъ, но здѣсь оно лишается ихъ по винѣ соблазнительей и допускающихъ соблазны! Въ нѣкоторыхъ храмахъ заведенъ добрый обычай ставить въ храмѣ дѣ-

тей не вмѣстѣ съ взрослыми, а отдѣльно, ближе къ алтарю, и слѣдить за ихъ поведеніемъ. Обычай этотъ, кромѣ того, что сберегаетъ отъ расхищенія духовныя сокровища дѣтей—ихъ благоговѣйныя чувства, даетъ большую возможность еще и умножаться этимъ сокровищамъ. ибо, стоя дитя впереди лучше слышитъ чтеніе и пѣніе, лучше видитъ священныя иконы, дѣйствія священнослужащихъ и, вообще, всю богослужебную обстановку. Къ сожалѣнію, мало еще распространенъ у насъ этотъ похвальный обычай. Но бываетъ еще и то въ горькой дѣйствительности, что и самыя чтеніе и пѣніе въ храмахъ далеко не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Чтеніе „дьячковское“ вошло уже въ пословицу, какъ образецъ неискускаго чтенія. Читаютъ въ храмахъ, особенно сельскихъ, поспѣшно, невнятно, нетолково. Какая можетъ быть польза отъ такого чтенія для дитяти, когда нельзя бываетъ и взрослому понять то, что читается. Часто чтець и самъ не понимаетъ того, что онъ читаетъ, произнося слова механически, заботясь только о томъ, чтобы поскорѣе прочитать положенное по церковному уставу. Пѣніе въ храмахъ, которое особенно сильно должно бы дѣйствовать на дѣтскую душу, проводя слова пѣсней въ самое сердце дитяти и вызывая въ немъ святыя чувства, — въ дѣйствительной практикѣ часто не достигаетъ этого или потому, что, при существованіи церковнаго хора, оно является чисто свѣтскимъ, лишеннымъ благоговѣйныхъ чувствъ, или же потому, что совершается въ одиночку, и пѣвцомъ, часто неискуснымъ. — Въ нѣкоторыхъ храмахъ устраивается общее пѣніе въ древне-церковномъ духѣ. При этомъ, конечно, и дѣти участвуютъ въ пѣніи вмѣстѣ съ взрослыми. Это участіе настраиваетъ дѣтскія души торжественнымъ образомъ, не даетъ въ нихъ разсѣваться мыслямъ, сосредоточивая и поддерживая ихъ вниманіе на содержаніи пѣсней, и пріохочиваетъ дѣтей къ посѣщенію богослуженія¹⁾. Но нужно опять замѣтить съ сожалѣніемъ, что мало распространенъ въ нашей Церкви этотъ, весьма благотворный, прекрасный обычай.

Итакъ, дѣти, посѣщая храмъ Божій, не получаютъ часто той духовной пользы отъ этого посѣщенія, какую бы они должны были получать: не проникаются святыми чувствами вѣры, любви и страха Божія. Но бываютъ и такія дѣти—христіане, которыя почти совсѣмъ и не видятъ храма Божія, этого учили-

¹⁾ Общее пѣніе, какъ извѣстно, имѣетъ большое значеніе въ богослужебныхъ собраніяхъ многихъ нашихъ сектантовъ, привлекая къ себѣ народныя симпатіи.

ща благочестія. Родители и воспитатели, сами посѣщая его не часто, и дѣтей своихъ приучаютъ къ тому же. Воспріемникамъ до своихъ духовныхъ дѣтей какъ бы и дѣла нѣтъ: ходятъ-ли они въ храмъ, или не ходятъ. Общія внушенія пастырей здѣсь остаются безсильными противъ родительскаго авторитета. Такимъ образомъ и этотъ второй путь воспитательнаго воздѣйствія въ дѣйствительной практикѣ не всегда достигаетъ своей цѣли: встрѣчаются часто дѣти съ одной стороны, посѣщающія храмъ, но мало пользы отъ этого получающія, а съ другой,—рѣдко или даже почти совѣмъ его не посѣщающія.

Для устранения и этихъ печальныхъ явленій Церковь имѣетъ средство. Такимъ средствомъ она имѣетъ *третій свой воспитательный путь—близкаго жизненнаго руководства*. Этимъ путемъ Церковь имѣетъ отвращать волю дѣтей отъ всякаго зла, укрѣплять ее въ борьбѣ съ окружающими ихъ соблазнами и направлять ее къ добру. Если въ первомъ и второмъ воспитательныхъ путяхъ должны участвовать многія воспитывающія лица, то въ этомъ—третьемъ пути руководителемъ дитяти должно быть одно лицо, именно то, которому дитя больше всѣхъ довѣряетъ, которому оно можетъ *свободно* подчинить свою волю. Отсюда, лицо это должно пользоваться безграничными любовью и уваженіемъ со стороны дитяти, быть для него высочайшимъ авторитетомъ, возможнымъ на землѣ. Такими руководителями дитяти прежде всего являются родители ¹⁾, какъ ближе всѣхъ другихъ лицъ къ нему стоящіе. Но въ душѣ дитяти, по мѣрѣ возрастанія его, возникаютъ такіе вопросы, разрѣшенія на которые не могутъ дать ему его родители. Это—вопросы совѣсти. Родители дитяти здѣсь сами нуждаются въ высшемъ, болѣе авторитетномъ руководствѣ. Такимъ руководителемъ можетъ быть только духовный пастырь, который на то и поставленъ въ Церкви и облеченъ высшими полномочіями отъ нея, чтобы врачевать немощную человѣческую совѣсть, разрѣшать именемъ Божиимъ всѣ ея вопросы. Но для того, чтобы пастырь былъ дѣйствительно авторитетнымъ руководителемъ дѣтей, и чтобы они обращались всегда съ радостью къ своему руководству, нужно ему быть на высотѣ своего призванія. Своею высоко-нравственною жизнью онъ долженъ заставить не только самихъ дѣтей уважать его, но и ихъ

¹⁾ Изъ своихъ родителей дитя непременно избираетъ одно какое либо лицо—или отца, или, скорѣе всего, особенно на первыхъ порахъ, мать,—которому оно съ большей охотой, т. е. *свободнѣе*, подчиняется.

родителей и, вообще воспитателей, дабы послѣдніе могли искренно и словомъ и примѣромъ своими внушать дѣтямъ уваженіе къ нему. Этого мало. Пастырь-руководитель долженъ глубоко знать дѣтскую душу вообще и, въ частности, изучить душу каждаго дитяти въ отдѣльности: узнать его индивидуальныя особенности, темпераментъ, нажитыя привычки. Подобно тому, какъ хорошій пастухъ долженъ изучать во ввѣренномъ ему стадѣ безсловесныхъ животныхъ характеръ каждаго животнаго и только тогда, когда онъ узнаетъ каждое въ отдѣльности животное, онъ можетъ хорошо управлять всѣмъ стадомъ, такъ и добрый пастырь юнаго словеснаго стада долженъ узнать характеръ каждаго дитяти въ отдѣльности, чтобы хорошо управлять этимъ ввѣреннымъ ему стадомъ. Для изученія дѣтей пастырь долженъ наблюдать за ихъ поведеніемъ въ школѣ, гдѣ онъ долженъ смотрѣть на собравшихся дѣтей не только какъ на группу, но какъ на отдѣльныя личности, богато одаренныя индивидуальными особенностями. Прекраснымъ средствомъ для изученія дѣтскихъ душъ въ рукахъ добраго пастыря можетъ быть таинство исповѣди. Но чтобы, какъ вообще, такъ особенно на исповѣди узнать душу дитяти, необходимо прежде расположить его къ полной откровенности. Для сего пастырь-руководитель долженъ относиться къ каждому дитяти съ теплымъ участіемъ и любовью. И только подъ воздѣйствіемъ этой сердечной теплоты пастыря, можетъ предъ нимъ подобно цвѣтку раскрыться дѣтская душа, и онъ можетъ заглянуть въ глубину ея. Тогда съ радостью дитя откроетъ предъ нимъ всѣ свои мысли, желанія и намѣренія, обнаружить, даже, и самую любимую страсть, (которая непременно есть въ каждомъ человѣкѣ и которую ему особенно трудно бываетъ открыть другимъ людямъ). Узнавъ все это, пастырь и долженъ авторитетно руководить волей дитяти:—дать ему надежный совѣтъ какъ для борьбы съ внутреннимъ зломъ, такъ и съ внѣшними, окружающими дитя, соблазнами, возбудить въ его волѣ твердую (насколько возможна твердость въ дѣтскомъ возрастѣ) рѣшимость уклоняться отъ зла и идти на встрѣчу добра, несмотря на всѣ припятствія, всегда и во всемъ смущаться голоса своей совѣсти. При этомъ, пастырь долженъ дѣйствовать сообразно съ—изученными имъ—характерами дѣтей: на кого кротостью, а на кого строгостью, на кого надеждою и утѣшеніемъ, а на кого страхомъ наказаній, на кого похвалою и одобреніемъ, а на кого порицаніемъ и обличеніемъ. Разрѣшая съ отеческой любовью и авторитетно всѣ вопросы

дѣтской души, пастырь, естественно, приучитъ дитя всегда въ трудныя минуты жизни обращаться за совѣтами не куда либо на сторону, а именно къ нему—къ своему духовному отцу. Эта добрая привычка дитяти останется въ немъ на всю жизнь его и никогда не дастъ ему сбиться съ прямого жизненнаго пути. Такое дитя, очевидно, становится въ самыя близкія, самыя тѣсныя, отношенія къ своей матери—Церкви, чрезъ посредство ея служителя-пастыря.

Отсюда видно, сколь важень, сколь необходимъ путь близкаго жизненнаго руководства въ воспитаніи дѣтей: онъ завершаетъ собою дѣтское воспитаніе, вводя дитя подъ надежный покровъ Церкви. А, между тѣмъ, въ дѣйствительной практикѣ нашей Церкви ни одинъ изъ трехъ воспитательныхъ путей церковныхъ не находится въ такомъ упадкѣ, какъ этотъ путь. Авторитетъ пастыря православной Церкви за немногими исключеніями совсѣмъ почти и незамѣтенъ въ его паствѣ. Ни родители, ни дѣти не обращаются къ нему за разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ, которые особенно волнуютъ ихъ души; они скорѣе ищутъ разрѣшенія ихъ на сторонѣ гдѣ-либо, чѣмъ у него: простой народъ идетъ для сего къ какому либо старцу—подвижнику, а интеллигенція обращается—къ свѣтскимъ журнальнымъ статьямъ. Авторитетныхъ пастырей у насъ нужно считать единицами: они составляютъ рѣдкое исключеніе въ пастырскомъ институтѣ. Не то замѣчается среди католиковъ. У нихъ ксендзы пользуются большимъ авторитетомъ: голосъ ихъ имѣетъ большое вліяніе въ народѣ и, въ частности, въ дѣтяхъ. Правда, ксендзы часто переходятъ границу въ этомъ отношеніи. Злоупотребляя своимъ вліяніемъ, они подавляютъ „свободу чадъ Божіихъ“, чрезъ угнетеніе ихъ совѣсти. Особенно рѣзко это выражается въ дѣйствіяхъ отцовъ іезуитовъ. Но православный пастырь, наоборотъ, впадаетъ въ другую крайность: онъ не даетъ никакой опоры для немощной совѣсти дитяти, не руководитъ его жизнью. Даже въ большей части нашихъ семинарій, гдѣ воспитанники должны бы входить въ самыя близкія отношенія съ своимъ пастыремъ—духовникомъ, авторитетнаго руководства послѣдняго ими совсѣмъ иногда и не замѣтно. Гдѣ причина всего этого? Несомнѣнно, прежде всего въ пастыряхъ. Сами пастыри нашей Церкви почти совсѣмъ не заботятся о своемъ авторитетѣ среди пасомыхъ. При своей матеріальной необезпеченности ¹⁾ въ большинствѣ случаевъ,

¹⁾ Авторъ имѣетъ въ виду пастырей всей русской Церкви.

пастырь нашъ не о томъ думаетъ, чтобы ему приобрести вліяніе въ приходѣ, чтобы воспитать все молодое поколѣніе послушнымъ его голосу и, чрезъ то, упрочить свой авторитетъ во вѣренной его попеченію паствѣ, но о томъ, чтобы ему пропитать свою семью, часто многочисленную, и, для этого, быть можетъ, перейти въ другой, болѣе сносный въ матеріальномъ отношеніи, приходъ. Отъ перехода такого пастыря дѣло дѣтскаго воспитанія.—въ смыслѣ близкаго жизненнаго руководства дѣтей,—еще не много страдаетъ. Но бываетъ и такъ: иной пастырь самоотверженно начинаетъ трудиться на нивѣ Христовой, съ искреннимъ усердіемъ печется о воспитаніи дѣтей, старается ихъ приблизить къ себѣ и самому къ нимъ приблизиться, для сего заводитъ въ своемъ приходѣ школы, устраиваетъ съ ними собесѣдованія и проч. И чтоже? Такой пастырь распоряженіемъ своего начальства переводится въ другой, м. б. и лучшей, приходъ. Эти переводы добрыхъ пастырей съ одного мѣста на другое много препятствуютъ упроченію пастырскаго авторитета среди дѣтей и ихъ родителей. Какъ можетъ пастырь въ короткое время ознакомиться хорошо съ дѣтьми, чтобы умѣло руководить ими? Какъ могутъ родители въ то же время узнать хорошо своего пастыря, чтобы искренно уважать его и внушать тоже уваженіе къ нему своимъ дѣтямъ? Чѣмъ дольше времени живетъ добрый пастырь въ одномъ и томъ же приходѣ, тѣмъ, несомнѣнно, больше въ этомъ приходѣ возрастаетъ его авторитетъ.—Кромѣ того, пастыри нашей Церкви не пользуются, какъ должно, исповѣдью, чтобы чрезъ посредство ея съ одной стороны изучать дѣтскія души, и съ другой—руководить ими. Какъ совершается обыкновенно у насъ исповѣдь дѣтей? Великимъ постомъ, однажды въ годъ, дѣти собираются исповѣдываться въ храмѣ, вмѣстѣ съ взрослыми, большими массами и собираются обыкновенно въ пятницу каждой недѣли поста. Всѣхъ—и большихъ и малыхъ—священнику нужно исповѣдать въ одинъ день, а всѣхъ ихъ иногда собирается до 500 человѣкъ. Какая же здѣсь можетъ быть исповѣдь? Соблюдается одна только лишь внѣшняя форма, дѣтей часто исповѣдуютъ цѣлыми группами въ 5—10 человѣкъ. Священникъ спрашиваетъ затверженные грѣхи. Ему дѣти отвѣчаютъ хоромъ: „грѣшны, грѣшны...“ Потомъ священникъ читаетъ надъ ними разрѣшительную молитву, и конецъ исповѣди. Какая же можетъ быть польза отъ такой исповѣди? Какое же здѣсь можетъ быть сближеніе между пастыремъ и дѣтьми его паствы? Такимъ образомъ, дитя нашей Церкви, въ большинствѣ

случаевъ растетъ въ отчужденіи отъ своего пастыря, соприкасаясь съ нимъ, чисто формально, одинъ разъ въ годъ на исповѣди, да еще, можетъ быть, какъ ученикъ, тоже формально, на урокахъ Закона Божія. Вотъ въ этомъ то и кроется корень зла — отчужденія народа, особенно „интеллигенціи“, отъ своей матери — Церкви, — которое все болѣе и болѣе замѣчается въ послѣднее время. Начало такому отчужденію полагается въ дѣтствѣ каждаго человѣка: дитя, не привыкшее обращаться къ пастырю Церкви за совѣтами, и по достиженіи совершенныхъ лѣтъ сочтетъ для себя страннымъ обратиться къ нему за тѣмъ же. Въ этомъ, поистинѣ, кроется главная слабость православныхъ пастырей, какі чистосердечно сознается одинъ изъ насъ на страницахъ журнала „Прав. Русск. Слова“¹⁾.

Слабой постановкой въ нашей Церкви дѣла пастырскаго руководства объясняется неуспѣхъ и другихъ ея воспитательныхъ путей. Такъ, отчего иное дитя не посѣщаетъ ни школы, ни храма? Отъ недостатка пастырскаго авторитета среди его родителей, на первыхъ порахъ его жизни, а потомъ, — отъ недостатка такого же авторитета въ немъ самомъ. Гдѣ причина неправильной постановки дѣла законоучительскаго? Въ недостаточномъ сближеніи пастыря съ дѣтьми. Отчего у насъ происходитъ упадокъ богослужебнаго строя? Опять отъ недостатка пастырскаго авторитета и проч.

Изъ всего сказаннаго видно, что высокій идеаль церковнаго воспитанія дѣтей въ дѣйствительности практической мало осуществляется. Въ постановкѣ воспитанія церковнаго существуетъ масса недостатковъ, почему оно и мало достигаетъ своей цѣли: многія дѣти — христіане растутъ внѣ добраго воспитательнаго воздѣйствія на нихъ матери ихъ — Церкви, въ отчужденіи отъ нея.

Но такое, правда, весьма печальное, явленіе должно побуждать насъ, какъ чадъ Церкви, не замалчивать его и, тѣмъ, какъ бы совѣмъ устранять Церковь отъ исполненія ея главнѣйшей обязанности, а напротивъ, громко говорить о немъ, въ надеждѣ, что голосъ этотъ не останется голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, но коснется сердца тѣхъ лицъ, которымъ Церковь, такъ или иначе вручаетъ столь великое и отвѣтственное дѣло, какъ воспитаніе дѣтей.

Бывшій приходскій священникъ.

¹⁾ 1904 г., май № 9, «Въ чемъ наша слабость». Свящ. Ав. Веселицкаго.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

25 мая. Высокопреосвященный Евлогій, Архіепископъ Холмскій и Люблинскій, совершилъ въ кафедральномъ соборѣ Божественную Литургію, благодарственный молебенъ и возложилъ на благочиннаго Радинскаго округа священника Антонія Козловскаго наперсный Синодальный крестъ.

26 мая. Высокопреосвященный совершилъ въ кафедральномъ соборѣ Божественную Литургію и молебенъ Божіей Матери.

29 мая. Высокопреосвященный совершилъ въ кафедральномъ соборѣ молебенъ Божіей Матери.

30 мая. Высокопреосвященный совершилъ всенощное бдѣніе въ Св. Антоніевской церкви Радочницкаго монастыря.

31 мая. Высокопреосвященный совершилъ въ Св.—Антоніевской церкви Радочницкаго женскаго монастыря Божественную Литургію, молебенъ Спасителю и Св. Преп. Антонію Печерскому съ крестнымъ ходомъ къ церквамъ—Успенія Пресвятыя Богородицы, св. Архистратига Божія Михаила, св. равноапостольныя Маріи Магдалины, Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, Св. Леонтія, епископа Ростовскаго, совершилъ заупокойную литію у могилы іеромонаха Христофора, возложилъ наперсные Синодальные кресты на священниковъ—Василія Торекаго и Михаила Будиловича и присоединилъ къ православной церкви трехъ католиковъ; въ 6 ч. вечера Высокопреосвященный совершилъ въ той же церкви всенощное бдѣніе съ чтеніемъ на ономъ агагиста св. Преп. Антонію Великому.

1 іюня. Высокопреосвященный совершилъ въ той же церкви Божественную Литургію, крестный ходъ на источникъ, чинъ освященія воды, заупокойную литію у памятника Царю Освободителю Императору Александру II, возсоединилъ отпавшаго въ латинскую ересь съ православною Церковію и произнесъ поученіе; въ 6 ч. вечера Высокопреосвященный совершилъ въ той же церкви всенощное бдѣніе.

2 іюня. Высокопреосвященный совершилъ въ той же Св.—Антоніевской церкви Божественную Литургію, вечерню и возложилъ камилавку на священника Петра Антоновича; въ 5 ч. вечера Высокопреосвященный служилъ въ той же церкви утреню, постригъ въ мантию двухъ монахинь Радочницкаго монастыря и произнесъ поученіе.

(Продолженіе слѣдуетъ).

При семъ № прилагается „Холмскій Народный Листокъ“ № 12-й, „Живое слово“ и „Отчетъ Попечительскаго фонда“.

СОДЕРЖАНІЕ:

Участіе нашей Церкви въ воспитаніи дѣтей. Епархіальная хроника.

Дозволено Цензурой.

Редакторъ Архимандритъ Варлаамъ.

Холмъ, Типографія Холмскаго Св.-Богородицкаго Братства.